

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ: «МНОЖЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА. ПРИМЕР ТУВИНЦЕВ ЮЖНОЙ СИБИРИ.»

Анетт К. Ольшлегель

Мы используем *множественные интерпретации мира* (нем. *plurale Weltinterpretationen*) ежедневно и, в большинстве случаев, неосознанно. Осуществляется это за счёт одновременного и равноценного сосуществования различных моделей мировоззрения. Они являются продуктом творческой деятельности человека и сосуществуют в качестве параллельных реальностей, дополняя и, одновременно, противореча друг другу. На примере тувинцев Южной Сибири данная книга знакомит с двумя моделями мировоззрения, а также с практикой их применения. Показывается, как локальные *акторы* гибко применяют две из существующего множества моделей: и для того, чтобы действовать в складывающихся ситуациях, и чтобы толковать их. Станет понятным, каким правилам при этом следуют тувинцы, какими мотивами руководствуются и какие это имеет последствия. Результатом явится картина современной культуры, которая будет отвечать имеющимся на данный момент запросам гибкости и многообразия в мировоззрении, действиях и поведении человека.

Введение

Название «Множественные интерпретации мира» отражает актуальную и наблюдаемую во всем мире множественность мировоззренческих моделей и человеческую способность гибко обращаться с ними. На примере тувинцев, живущих на юге Сибири, данное исследование представляет дополнение к тем гуманитарным работам, которые описывают культуры в категориях „традиции“ и „современности“. В центре данной работы находится не строгое проведение границ между традиционными и современными культурами и культурными элементами, а описание их сосуществования. Помимо этого, понятие „множественных мировоззрений“ должно помочь нам занять необходимую для заданной цели более широкую позицию, которая представляет традицию и современность равноправно рядом друг с другом.

Термин „традиция“ используется самими тувинцами в соответствии с „конвенциональным понятием традиции“, как это определяют Хандлер и Линнекин (Handler, Linnekin 1984: 286), то есть как непрерывная последовательность культурных основ: «Превалирующая концепция традиции, как в общем смысле, так и в социальной теории, рисует ее изолированным телом

или сердцевиной неизменяемых элементов, передаваемых по наследству из прошлого» („The prevailing Conception of tradition, both in common sense and in social theory, has envisioned an isolable body or core of unchanging traits handed down from the past.“). Относительно такого натуралистического взгляда на традицию авторы высказывают мысль, что «традиция – это символический процесс [и] заданный смысл» („tradition is a symbolic process [and] an assigned meaning“). Такое понимание термина базируется на взгляде, согласно которому «прошлое всегда конструируется в настоящем» (там же). В этом смысле мои собственные наблюдения в Туве также убеждают в том, что „традицию“ нужно понимать „как изобретение“ (нем. „Tradition als Erfindung“) (см. также: Hobsbawm, Ranger 1992) Таким образом становится ясно, каким образом то, что мы в обиходе называем „традицией“, постоянно видоизменяется и почему так сложно отделить исторические культурные элементы от недавних. Использование концептов „традиционности“ и „современности“ не только в языке российской повседневности, но отчасти и в языке науки упускает зачастую из виду тот факт, что как „традиционные“, так и „современные“ культурные элементы постоянно изменяются и подвергаются влияниям извне. Продолжающиеся дискуссии о терминах „традиция“ и „современность“ являются причинами неиспользования мною этих терминов в этой работе; вместо них я формулирую свои собственные, которые не столь нагружены с научной и бытовой точек зрения, и которые я вывожу лишь из структур представленных здесь моделей интерпретаций мира.

Новое понятие „множественных интерпретаций мира“, вводимое здесь в научный дискурс, позволяет осуществить такое описание современной культуры, которое на примере отдельных *акторов* охватывает множество параллельно существующих, равнозначных, но также и противоречащих друг другу моделей интерпретаций мира. В работе будет показано, как люди обращаются с ассортиментом различных моделей интерпретаций мира, насколько гибко их применяют с тем, чтобы реагировать на происходящие события или действовать в определенных ситуациях. Таким образом, я исследую существующее на данный момент множество моделей интерпретаций мира и способность человека свободно/гибко применять их в повседневной жизни.

После подробного введения в концепт *множественных интерпретаций мира* на примере тувинцев, чьими верованиями являются анимизм и шаманизм, будут показаны и описаны две модели таковых интерпретаций. С использованием терминов «*модель доминирования*» и «*модель взаимодействия*» будет осуществлен поиск стабильных структурных элементов, а также освещена изменчивость их содержания. Специфически тувинская модель доминирования основывается на современном понимании *доминирования человека в*

природе, каковая состоит в основном из пассивных объектов человеческой деятельности. В противовес ей в повседневной жизни тувинцев присутствует особая тувинская модель взаимодействия. Она исходит из представления о взаимодействиях в мире, окружающем и включающем человека, и состоящем из человеческих и не-человеческих субъектов.

Поскольку множество моделей интерпретаций мира является в равной мере неотъемлемой частью информационного, поведенческого, акционального репертуара локальных акторов, то данная работа уделяет большое внимание описанию свободного, гибкого обращения с ними. На основе большого числа примеров прослеживается, как отдельные тувинцы при толковании событий или при поведении в неких ситуациях осознано применяют две модели интерпретаций мира в зависимости от контекста или потребности, заменяя при этом одну другой или же смешивая их обе / дополняя одну другой. При этом анализируется то, какие правила регулируют гибкое использование этих моделей. Также рассматриваются причины и следствия смены моделей толкования, а также различие между спонтанной и стратегической их сменой у обывателей или же профессиональной у тувинских шаманов.

Теоретические основы

Используемое в данной работе понятие „множественные интерпретации мира“ основывается на феноменологическо-конструктивистских представлениях, согласно которым человек понимается как творец многообразных реальностей, которые определяют одновременно его толкования, а также основанные на этих толкованиях поведение и действия. Нижеприведенное определение проясняет употребление этого термина в данной работе: множественные интерпретации мира обозначают толкования, и базирующиеся на этих толкованиях действия и поведение человека. Они основываются на гибком использовании различных одновременно существующих и равноценных моделей интерпретации мира. Будучи внутренне как содержательно, так и структурно непротиворечивыми, модели интерпретации мира, дополняя друг друга и одновременно друг другу противореча, относятся, таким образом, к репертуару знаний, поведения и действий человека.

При моментальном толковании ситуаций и событий, а также при принятии решений о поведении и действии люди выбирают из множества моделей, которые в этой работе обозначаются как модели интерпретации мира. Употребление термина „модель“ указывает на то, что для интерпретации конкретных ситуаций и событий акторы пользуются множеством „комплектов“ с примерами или шаблонами, которые следует понимать, как логичные внутри

себя системы, имеющие содержание и структуру. Большое число и многообразие моделей, а также гибкость в обращении людей с ними, подтверждают их модельный характер. В качестве моделей они не являются ни природной данностью, ни биологическим свойством человека, но лишь продуктом человеческого воображения. В данной работе они понимаются как общественные конструкции и, соответственно, как общественный продукт (нем. Produkte der Gesellschaft) (Berger und Luckmann 2012 [1966]).

Используемые термины интерпретация и толкование не являются тождественными восприятию. Интерпретация и толкование подразумевают поведение человека, которое следует процессам его же человеческого восприятия. Воспринятая в конкретной ситуации информация впоследствии может быть интерпретирована по-разному. В этом случае тувинцы следуют тем примерам и шаблонам, которые обусловлены их культурой и которые обозначаются здесь как интерпретационные модели. Последующие же действия актор выстраивает также в соответствии с принятой моделью толкования.

Понятие „мир“ (англ. „World“) – как составная часть понятий „множественные интерпретации мира“ и „модели интерпретации мира“ – основывается на конструктивистском понятии „жизненного мира“ (англ. „lifeworld“), которое восходит к феноменологии Эдмунда Гуссерля (Husserl 1954). Альфред Шютц (Schütz 1945: 533, Schütz und Luckmann [1975] 2003) ввел его в форме „выдающаяся действительность“ (англ. „paramount reality“) в социологический анализ. Позже это понятие развили Петер Бергер и Томас Лукман (Berger u. Luckmann [1966] 2012: 21–31), используя его в виде термина „повседневный мир“ (англ. world of daily life) или „повседневная действительность“ (англ. social everyday reality).

Обе представленные в этой работе модели интерпретации мира – доминирования и взаимодействия – следует отнести к „повседневной действительности“. Они являются частью и одновременно основополагающим элементом социально конструированной „действительности повседневного мира“ (там же: с. 21–29).

Модели доминирования и взаимодействия можно представить как „хранилище знаний“ (нем. Speicher von Wissensvorräten) (там же: с. 43). Они состоят из „знания рецептов“ (там же: 44) и служат для „решения рутинных проблем“ (там же: 44). Будучи частью специфически тувинской повседневной реальности их можно смело расценивать как общие (интерсубъективные) для всех тувинцев.

В данном исследовании были рассмотрены две из множества существующих моделей интерпретации мира. Люди, живущие в индустриальном обществе,

обычно ориентируются на модель мировоззрения, которую я в дальнейшем буду обозначать как *модель доминирования*. Это определение является собой модель интерпретации мира, которая исходит из *доминирования человека над окружающей средой, состоящей скорее из пассивных объектов человеческого воздействия*. Эта модель характеризуется следующими чертами: (1) Она разделяет человека и окружающую его среду и противопоставляет их друг другу. (2) Она различает между активным действующим субъектом (человек) и скорее пассивными объектами человеческого воздействия (компоненты окружающей среды). Действие всегда исходит от субъекта – человека по направлению к как минимум одному объекту, который принадлежит к окружающей человека среде. (3) Активному человеку противопоставляется пассивная окружающая среда, которая следует законам природы, и которая поэтому может быть понята человеком, контролируема и подвержена его влиянию. (4) Взаимодействия возможны только между сознательными субъектами (людьми). Пограничными случаями являются инстинкты животных. Современному человеку они дают ощущение взаимодействия между человеком и животным. Тем не менее, инстинкты животных несравнимы с разумом и рассудком человека. (5) Осознанность, воля, разум и рассудок, как свойства человека, не являются свойствами окружающей его не-человеческой среды. Человек – единственный, кто способен осознанно работать над своей окружающей средой, однако законами природы ему поставлены границы. (6) При обустройстве жизни человек обустроивает и окружающую его среду. Лишь заблуждения и неверное понимание естественных взаимосвязей способны оттолкнуть человека от этого стремления.

Присутствие человека в мире с точки зрения *модели взаимодействия* выглядит иначе, чем в интерпретации согласно модели доминирования, хотя и не является его прямой противоположностью. Это понятие обозначает модель, которая исходит из *взаимодействий, происходящих в среде, окружающей и включающей в себя человека, и состоящей из человеческих и не-человеческих субъектов*. В его специфически тувинском выражении это определение имеет следующие свойства: (1) Человек является неотъемлемой частью мира. (2) Рядом с человеком существует множество не-человеческих субъектов (3) Между человеческими и не-человеческими партнерами или актерами происходит взаимодействие. Термин „взаимодействие между субъектами“ не ограничивается людьми. (4) Наряду с человеком, в качестве активных субъектов рассматриваются все элементы окружающей среды. (4.1) К ним принадлежат духи и божества; животные и растения; но также предметы обихода – инструменты и машины, а также источники естественной энергии и сил; земля, небо, звезды, солнце и луна; элементы ландшафта, такие как вода, источники, реки и озера, горы и долины, леса, деревья, поляны и многое другое. Все назван-

ные элементы мира постоянно влияют на человеческую жизнь. (5) Разум, схожий с человеческим, приписывается не всем не-человеческим субъектам. (5.1) Однако нельзя представить себе духов и божества без способности мыслить, без рассудка и разума, без осознанных действий. (5.2) Субъекты модели взаимодействия подчиняются иерархии, которая ставит духов и богов на первое место, а людей на второе. Параллельно существуют энергии и силы, которые неосознанно и без определенной воли влияют на все компоненты мира. Дикие и домашние животные, растения, части ландшафта, инструменты и предметы обихода подчинены людям и духам, энергиям и силам. (5.3) Однако эта иерархия не является абсолютной. В зависимости от ситуации, в которой происходит взаимодействие, различные субъекты могут быть сильнее, равносильны или слабее друг друга. Например, если дерево не хочет быть спиленным человеком или животное не хочет быть убитым, то они устраивают на его пути препятствия.

В данной работе выявление структур модели доминирования и модели взаимодействия основывается на разделении структуры и содержания. Содержанием является то, что Щютц и Лукманн (Schütz und Luckmann 2003: 657) обозначают как „интерсубъективные символические значения“, которые варьируют в зависимости и от культуры, и от исторического периода. Согласно формулировке Щютца и Лукманна (там же), они приводят к „невероятному множеству общественно-исторических форм“. В то время как содержание какой-либо модели мировоззрения находится в процессе постоянного изменения и развития, структуры обеих интерпретационных моделей, напротив, кажутся по тенденции глобальными и стабильными во времени.

Концепт множественных интерпретаций мира

Целью предыдущей главы было введение в теорию и практику множественных интерпретаций мира на примере тувинцев Южной Сибири. Данная работа сфокусирована на двух весьма распространенных в Туве моделях интерпретации мира и их гибком применении как отдельными персонами, так и группами людей. Это, с одной стороны, специфически тувинская *модель доминирования*, которую тувинцы охотно воспринимают как современное мировоззрение на основе русского влияния, и, с другой стороны, специфически тувинская *модель взаимодействия*, которую Тувинцы определяют как свою традиционную анимистско-шаманистическую картину мира. Наряду с еще одной моделью, специфически тувинской ламаистской картиной мира тибетского образца, все названные модели являются частью повседневной реальности тувинцев, которую они (модели) одновременно и формируют.

Несмотря на то, что они зачастую противоречат друг другу, эти модели параллельно являются составляющими духовной культуры всех, с кем я общалась. Один и тот же тувинец может применить их и как вариант толкования чего-либо и как принцип выбора правильного действия и поведения.

1. Обе модели интерпретации мира, *модель взаимодействия* и *модель доминирования*, можно найти у тувинцев как существующие параллельно и со специфически тувинским содержанием.
2. Крайние проявления обеих моделей настолько принципиально противоречат друг другу, что интерпретация какой-нибудь ситуации с точки зрения одной модели выглядит условной, противоречивой и неприемлемой с точки зрения другой, и наоборот.
3. В высказываниях тувинцев обе модели интерпретации мира зачастую проявляются в *форме идеализированного нарратива*. Многие тувинцы охотно причисляют себя только к одной из двух моделей интерпретаций мира.
4. Мои собеседники различали оба вида интерпретаций и соотносили свои высказывания с эмическими понятиями „современности“ или „традиции“.
5. По своей структуре обе модели интерпретации мира представляются стабильными. Однако их конкретного содержания может быстро меняться. Причиной тому могут быть медиа, школьное или профессиональное образование, наука, путешествия, туризм, но также и эзотерика и нью-эйдж.
6. Ни одну из этих двух интерпретационных моделей нельзя приписать лишь „тувинцам“: многие тувинцы чувствуют себя комфортно, пользуясь ими обеими, а также находясь между ними, в *трансдифферентном пространстве* (англ. *transdifference*).¹²⁹
7. Наблюдения за действиями и поведением тувинцев, а также за их разговорами друг с другом позволяют увидеть толкования и интерпретации, которые используют обе интерпретационных модели, смешивая их или дополняя одну другой. При этом тувинцы в зависимости от потребности обращаются то к одной, то к другой крайности или же меняют свою позицию в континууме *трансдифферентного пространства* между этими моделями.

129 Термин *transdifference* в англоязычной научной литературе обычно рассматривается в паре с дополняющим его (и одновременно контрастирующим с ним) термином *transculturality*, и используется для обозначения феномена сосуществования (не обязательно множественных) контрастирующих объединений (аффилиаций) и признаков (атрибутирования), для указания тем самым на то, что остается после попытки распределения неких элементов по группам согласно логике включения/исключения (комментарий Д.А. Функа).

8. Сиюминутная интерпретация мира тувинцем зависит от его позиции в *трансдифференциальном пространстве*, т. е. от той позиции, которую он занимает в определенный момент времени, в определенной ситуации и в определенном контексте в континууме, и от того, какой (позиции) он в данный момент желает следовать.
9. Из этого следует, что интерпретации мира у тувинцев подвержены постоянным изменениям не только с содержательной стороны, но также и структурно не являются однозначными, одномерными и статичными, а предстают скорее гибкими, ситуативными и множественными.

Этнография специфически тувинской модели взаимодействия

Для описания многообразных взаимодействий между субъектами человеческими и не-человеческими я использую примеры из тувинских народных верований (Volksreligion), которые легли в основание данной работы в форме отчетов о событиях и пережитых ситуациях, интервью, записях ритуальных текстов, а также современных фольклорных текстов. В обобщенной форме выявляются следующие характерные черты:

1. Тувинцы не считают себя единственными разумными существами и действующими силами, живущими в мире. Они связаны *сетью* с нечеловеческими субъектами, с которыми они постоянно осознанно и неосознанно взаимодействуют. От успеха этих взаимодействий зависит благополучие человека, почему соблюдению правил и норм модели взаимодействия, а также осознанной осторожности при взаимодействии с нечеловеческими субъектами придается большое значение.
2. Если судить по частоте упоминаний и взаимодействий с ними, то можно сказать, что *духи-хозяева* являются важными нечеловеческими партнерами, взаимодействующими с людьми. Будучи истинными хозяевами, они защищают все сущее, устанавливают правила и нормы обращения с ним, следят за их соблюдением и наказывают за проступки.
3. Любая деятельность человека может быть интерпретирована как *взаимодействие между людьми и духами-хозяевами*. В положительном смысле к этому относятся: принятие во внимание того, что *духи-хозяева* имеют власть над всем сущим; соблюдение требований этих духов и ими установленных правил и норм; проведение ритуалов благодарения, прошения и умиротворения; различные области духовной культуры, а также реализация талантов и способностей, данных духами-хозяевами. В негативном смысле любое нарушение правил и норм модели взаимодействия также

следует понимать как взаимодействие между людьми и духами-хозяевами.

4. Толкование, поведение и действия многих тувинцев в соответствии с моделью взаимодействия поддерживается в настоящее время прежде всего за счёт устной традиции. К одному из важнейших жанров относятся так называемые *истинные случаи* (тувинск. *болган таварылгалар, современные предания*).¹³⁰ Типичным их сюжетом является нарушение человеком правил уважительного взаимодействия между субъектами-людьми и нечеловеческими субъектами, и, как следствие, наказание (несчастье, болезнь, смерть). Популярны также рассказы, повествующие об удивительных награждениях тех, кто отличился особо корректным обращением с правилами и нормами модели взаимодействия.
5. Нарушение какой-либо нормы осознается людьми в основном лишь тогда, когда в их жизни происходит какое-то несчастье. *Исправление последствий нарушений этих норм* осуществляется поэтапно: толкование несчастья в соответствии с моделью взаимодействия; обращение к шаману с просьбой продумать ситуацию и выяснить, какие духи и каким образом связаны с ситуацией, и дать руководство к решению проблемы; проведение ритуалов умиротворения и прошения, обращенных к соответствующему духу (возможно под руководством шамана); обещание изменить свое поведение в плане более уважительного взаимодействия.
6. В связи с *духами-хозяевами* рассматриваются также *способности* людей. Способности не являются какими-то особенными врожденными качествами и не воспринимаются как награда одаренных. Способности – в понимании тувинцев – это обязательства. *Духи-хозяева* различных талантов выбирают и обязывают людей служить какому-либо таланту, с тем, чтобы они занимались этим в мире людей. Человек, выбранный духом-хозяином какого-либо таланта, обязуется под угрозой наказания не скупиться на него, не злоупотреблять им, не создавать себе за счет этого таланта нечестных преимуществ и, что касается воплощения таланта, использовать максимум своих способностей.
7. Модель взаимодействия служит сохранению *гармонии, равновесия и стабильности* в сфере взаимной зависимости субъектов-людей и нечеловеческих субъектов. В случае если тувинец нарушает уравновешенное вза-

¹³⁰ Анетт К. Ольшлегель 2013: *Современные предания и другие фольклорные материалы из Тувы*. //Anett C. Oelschlägel: Der Taigageist. Berichte und Geschichten von Menschen und Geistern aus Tuwa. Zeitgenössische Sagen und andere Folkloretexte / Дух-хозяин тайги – *Современные предания и другие фольклорные материалы из Тувы / Тайги ээзи – Болган таварылгалар болгаш Тывадан чыгдынган аас чогаалының өске-даа материалдары*. Marburg: tectum-Verlag, с. 206–217.

имодействие, то он подвергает себя опасности быть наказанным духами. Последствиями могут быть несчастные случаи, вызванные *духом-хозяином*. Духи могут так же нарушать стабильность уважительного взаимодействия. Например, опасность для отдельных людей могут представлять нападения заигравшихся или злых духов, которые считаются вредоносными.

8. Человек видит себя в постоянной зависимости от благосклонности различных духов. Однако, существование и благополучие духов рассматривается в зависимости от поведения и поступков людей. С одной стороны, человек зависит от того, что ему дают духи-хозяева. С другой стороны, неправильное обращение или даже разрушение данного ими ведет к негативным последствиям для самих *духов-хозяев*. Когда люди разрушают собственность какого-либо *духа-хозяина*, это значит, что они уничтожают его самого; неправильное обращение с собственностью духа-хозяина отнимает у него силы; неиспользование таланта и утеря знаний о том, как его использовать, ведет, вместе со своим исчезновением, к исчезновению самого *духа-хозяина*.
9. Одаренные духами *шаманы* также имеют свою функцию в модели взаимодействия. Они являются посредниками между субъектами-людьми и не-человеческими субъектами. При помощи *духов-помощников* они проясняют ситуацию, которая угрожает взаимодействию. В случае, если взаимодействие вышло из равновесия, они помогают снова восстановить состояние стабильности и гармонии. Их задача при этом – умиротворить духов-хозяев и побороть выходки вредоносных духов. Они руководят ритуалами умиротворения, прощения и благодарения и, в качестве предостерегающих советников, указывают людям путь уважительного взаимодействия с не-человеческими субъектами.
10. Таким образом, в тувинском восприятии человеческие и не-человеческие субъекты связаны между собой и зависят друг от друга при любых условиях.

Множественные интерпретации мира у тувинцев

Из изложенного выше концепта *множественных интерпретаций мира* возникает вопрос – на основе каких правил осуществляется гибкое обращение с ними. Именно поэтому основные пункты, приведенные ниже, посвящены теме гибкого обращения с обеими интерпретационными моделями и затрагивают связи и закономерности, причины и последствия, а также различные стратегии смены позиций в континууме между крайностями.

1. В качестве интерпретационной модели, *модель доминирования* чаще применяется в настоящее время. Она является в первую очередь руководящей линией для объяснения какого-либо события и реакции на него.
2. *Спонтанная смена* интерпретационных моделей часто происходит соответственно от первичного объяснения и решения проблемы согласно модели доминирования к последующему задействованию модели взаимодействия, однако с задержкой по времени.
3. Часто имеет место *дополнение*, т. е. смещение тенденции от одной модели к другой.
4. Реже и спонтанно применяется сначала модель взаимодействия, которая в последующем *меняется* моделью доминирования.
5. *Неожиданная смена* модели доминирования на модель взаимодействия случается при проблемных ситуациях, в которых прагматичные и рациональные методы решения проблемы не действуют.
6. Переход к модели взаимодействия происходит часто как следствие *дополнительной рефлексии* относительно произошедших событий.
7. После перехода к модели взаимодействия, *причинами* негативной ситуации объявляются нарушения правил уважительного взаимодействия между человеческими и не-человеческими субъектами.
8. Типичными примерами таких дополнительных рефлексий, происходящих с точки зрения модели взаимодействия, являются так называемые *истинные случаи* (тувинск. *болган таварылгалар*, или же *современные предания*). Они описывают зачастую нарушение людьми норм и следующее за этим наказание, осуществляемое не-человеческими субъектами, например, духами.
9. Типичным последствием внезапной смены модели доминирования на модель взаимодействия являются *ритуалы умиротворения*.
10. За ними вновь следует *долгосрочное изменение поведения*, которое сопровождается обещанием уважительнее выполнять предписания модели взаимодействия.
11. Возможность интерпретации ситуаций в соответствии с моделью взаимодействия поддерживается, прежде всего, *несчастными случаями и ударами судьбы*, которые в свою очередь, часто ведут к смене интерпретационной модели моделью взаимодействия.
12. Наряду с такими ситуациями, к замене модели доминирования на модель взаимодействия могут вести и иные причины: посещение определенных мест (к примеру, священных мест или мест отправления ритуалов), наступ-

ление определенного времени (напр., дни, отведенные под определенные ритуалы) и встречи с определенными людьми (напр., с религиозными специалистами).

13. Интерпретацию, осуществляемую вскоре после событий в соответствии с моделью взаимодействия, когда переход к ней от модели доминирования не является необходимым, можно наблюдать прежде всего в *период после ритуала*. Ритуалы поддерживают в их участниках идею модели взаимодействия еще некоторое время после их (ритуалов) проведения.
14. Смена интерпретационных моделей может осуществляться спонтанно или стратегически/намеренно. *Стратегические смены* (моделей) часто происходят в обоих направлениях в случаях, когда человек или группа людей недовольны результатами применения той или иной интерпретационной модели. Применение модели доминирования было характерно для советского периода с целью сокрытия собственной религиозности.
15. Осознанную стратегическую смену (модели) можно особенно часто и отчетливо наблюдать у шаманов. В настоящее время шаманы должны владеть различными стратегиями своего ремесла, чьи инструменты заимствованы из модели доминирования. К этому же относятся сетевой бизнес, реклама, бухучет, строительство и организация шаманских клиник, изготовление и продажа специальной атрибутики.
16. В многочисленных самопрезентациях тувинцев, у которых я брала интервью, прослеживается тенденция к объяснению (ситуаций) через правильное или неправильное поведение и действия. Такое различие часто сопровождалось стремлением противопоставить друг другу обе модели как правильную и неправильную, и, таким образом, постулировать несовместимость обеих.
17. Таким путем можно получить модель, *имеющую нарративно идеализированную форму*. Толкование определенной ситуации или некоего события приближается в таком случае к экстремальному варианту модели.
18. В Туве, наряду со *структурной стабильностью* обеих интерпретационных моделей, бросается в глаза характерная для сегодняшнего времени ускоренная *изменчивость содержания* моделей доминирования и взаимодействия.
19. Изменчива также и частота применения обеих интерпретационных моделей. Модель доминирования применяется на сегодняшний день чаще, модель взаимодействия – реже, ограничиваясь при этом лишь определенными ситуациями.